

Фу Линъи очнулся уже ночью. Он открыл глаза — вокруг царила кромешная тьма. Голова раскалывалась так, будто собиралась взорваться, а во всех суставах и костях чувствовалась невыносимая, ломящая боль.

Рассудок Фу Линъи еще не прояснился, он даже не заметил никого вокруг и пробормотал себе под нос:

— Почему... не зажгли свет?

В тот самый момент, когда прозвучали эти слова, окружающий воздух странным образом замер. Сюй Инбай нахмурился, глядя на пустые, погруженные во тьму зрачки Фу Линъи, и строго произвел:

— Лекарь Чэнь, вы же говорили, что у него просто сильный испуг?

Стоило Сюй Инбаю заговорить, как Фу Линъи тут же осознал свое положение. Сюй Инбай не мог не зажечь свет, а раз вокруг непроглядная тьма, значит... он сам ослеп!

Ослеп... Ослеп. Фу Линъи был поражен громом среди ясного неба. На мгновение ему показалось, что он вернулся в те последние, отчаянные и бескомпромиссные дни прошлой жизни.

Чэнь Суй, только что закончивший проверять пульс и выписывать рецепт, тоже застыл с потрясенным лицом — он никак не ожидал, что Фу Линъи ослепнет. Лекарь торопливо шагнул вперед, чтобы осмотреть его снова, но стоило его руке приблизиться к Фу Линъи, как тот рефлекторно потянулся за кинжалом, спрятанным на груди. Заметив это, Сюй Инбай нахмурился, и его холодный, пробирающий до костей голос прозвучал вовремя:

— Фу Линъи, не балуй.

Этот окрик проник в затуманенное сознание Фу Линъи, и его спина, выгнутая дугою, словно у испуганного зверя, медленно... медленно расслабилась.

Сделав вид, будто ничего не заметил, Чэнь Суй с невозможным видом пальцами приподнял веки Фу Линъи и немного понаблюдал за ним, а затем снова проверил пульс. Поглаживая бороду, он серьезно произнес:

— Прошу простить старика за бессилие, я действительно не могу обнаружить ничего неладного.

Адамово яблоко Фу Линъи судорожно дернулось. После долгого молчания к нему наконец вернулись остатки разума: он вспомнил, что когда очнулся тогда в Великой тюрьме, у него уже случался приступ кратковременной слепоты.

Он постарался придать своему голосу как можно более беззаботный тон и даже усмехнулся:

— ...Ничего страшного, это старый недуг, скоро пройдет.

Сюй Инбай посмотрел на слегка дрожащие пальцы Фу Линъи и ничего не ответил.

— Я... — с трудом выдавил из себя Фу Линъи. Он отродясь не умел лгать, тем более — перед Сюй Инбаем.

— Заметно, — с полным пониманием отозвался Сюй Инбай. Рука, с которой Фу Линъи только что потянулся за клинком, двигалась пугающе быстро. — Ты был в отключке почти три часа, пора бы и подкрепиться, поешь немного.

Главным блюдом была густая каша из семян лотоса в сопровождении нескольких легких закусок. Доев, Фу Линъи поднял голову и увидел, что Сюй Инбай сидит в плетеном кресле, небрежно постукивая пальцами по подлокотнику, и его взгляд прикован к нему.

Заметив, как глаза Фу Линъи шевельнулись, Сюй Инбай выдохнул облачко белого пара:

— Зрение вернулось?

Тот отрывочно, сбивчиво, опуская начало и конец, изложил суть дела:

— Мне приснился кошмар... меня одолел сонный паралич, я перестал понимать, сплю я или уже проснулся.

После чего он услышал вопрос Сюй Инбая:

— Мне любопытно, что же могло так тебя напугать, что ты упал без чувств прямо в снегу?

Сюй Инбай постукивал пальцами по подлокотнику плетеного кресла. Выражение лица Фу Линъи не казалось фальшивым, к тому же на него была наложена отравка — пусть яд и оказался ненастоящим, но, с точки зрения Фу Линъи, его жизнь держалась в руках Сюй Инбая. Ради противоядия у Фу Линъи не было причин предавать его или лгать ему.

Пламя свечи покачивалось. Сюй Инбай сидел в плетеном кресле у кровати, а рядом Се Цзинвэй изо всех сил старался закончить заданное Сюй Инбаем домашнее задание — этот ребенок был слишком проказлив, и кому-то приходилось неотступно следить за ним, иначе он отказывался прилежно учиться.

Затем, словно между делом, он обмолвился:

— Ранее мне докладывали из Теневого Отдела, что в последнее время вокруг Резиденции Сюй околачиваются какие-то подозрительные личности.

Сюй Инбай редко смотрел на людей так. Хотя в глубине души он держался несколько отстраненно и прохладно, со всеми остальными он почти всегда выглядел мягким и учтивым. По воспоминаниям Фу Линъи, даже в самые смутные времена прошлой жизни, за исключением моментов, когда он вершил суд и наказывал подчиненных, Сюй Инбай в большинстве случаев оставался воплощением мягкого и безмятежного благородного мужа, и редко когда бывал столь холоден и строг.

Фу Линъи: «.....»

На столе неподалеку от кровати стояла миска с горячей едой, которую Сюй Инбай только что велел разогреть.

Пальцы Фу Линъи невольно сжались в кулак.

Чэнь Суй не принял деньги и отмахнулся:

— Высечь меня, дурака, мало, господин Тауэй! Этот молодой господин слишком долго пролежал на снегу, ему непременно нужен отвар от простуды. Я сейчас же составлю рецепт, пусть купят по нему лекарство, выпьет пару доз — и все пройдет.

— Уже все, — у Фу Линъи саднило горло, голос звучал хрипло. Внезапно он криво усмехнулся:
— Даже если ослепну, это не мешает мне убивать людей ради вас.

Сюй Инбай кивнул и равнодушно произнес:

— Благодарю лекаря Чэня, вы потрудились.

Стоявший рядом слуга сметливо протянул Чэню мешочек с серебром.

Это был оценивающий взгляд, полный присущего тем, кто наверху, давления и убийственного холода. Он ледяным грузом опустился на Фу Линъи.

Сюй Инбай неподвижно смотрел на него, и этот давящий, полный тяжести взгляд не дрогнул ни на йоту.

А Фу Линъи просидел на кровати около четверти часа, и его глаза наконец начали проясняться, вновь различая очертания предметов.

Он повернулся к Чэню:

— Благодарю лекаря Чэня за то, что навестили меня.

Потому что это было бы крайне невыгодно.

Тогда Сюй Инбай поднялся и одной рукой приподнял Се Цзинвэя:

— Тогда не будем мешать твоему отдыху, чуть позже лекарство принесут.

Напрягшиеся мышцы Фу Линъи расслабились, как только Сюй Инбай вышел за дверь.

За дверью Се Цзинвэй, покусывая кисточку, забормотал:

— Учитель, вы ведь тоже не особо ему доверяете, так зачем держите его подле себя?

Сюй Инбай потрепал Се Цзинвэя по макушке и тихо ответил:

— Разумеется, потому что у него высокое боевое мастерство, дела с устранением неугодных он решает ловко, к тому же у твоего учителя нет ни трех голов, ни шести рук, а Теневым Отделом кто-то должен командовать и обучать людей.

Он вздохнул:

— Ты же знаешь, что боевые искусства твоего учителя не сильны, если кто-то вздумает устроить мне неприятности, мне нужен тот, кто сможет меня защитить.

— И еще... раз уж я оставляю его при себе, то, конечно, потому что от него есть польза.

— Вот оно как, — Се Цзинвэй наморщил личико. — Получается, раз учитель все норовит отправить Сяовэя прочь, это потому, что Сяовэй бесполезен?

— — Сюй Инбай на мгновение умолк, а затем щелкнул Се Цзинвэя по лбу. — Иди лучше почитай побольше книг, не задавай учителю таких вопросов.

Се Цзинвэй потер ушибленный лоб и обиженно пискнул:

— Ой...

На следующий день снег прекратился.

Се Цзинвэй с восторгом лепил во дворе снежки, Ли Куайцзы составлял ему компанию, а Фу Линьи из-за поднявшейся температуры получил от Сюй Инбая разрешение отлеживаться в комнате. Тем временем Сюй Инбай сидел под навесом и пил чай с пришедшим с визитом Мэй Юном.

Немного побеседовав о текущей политической обстановке, они перешли к недавнему снегопаду. Мэй Юн со смыслом произнес:

— Я слышал, что в уездах Фэнчжоу, Динсян и Юньчжун, сильнее всего пострадавших от снежной бури, объявился некий добросердечный торговец зерном.

Сюй Инбай остался невозмутим и бесстрастно произнес:

— Правда ли?

Мэй Юн продолжил:

— Этот торговец бесплатно раздавал кашу на протяжении десяти ли, спас многих простых людей.

Сюй Инбай опустил ресницы, и алая точка меж бровей стала еще ярче:

— Это само по себе прекрасно.

Мэй Юн, заметив, что Сюй Инбай держится так, будто все это его ни капли не касается, не удержался от вздоха:

— Всякие Фан Руи подают прошения о помощи пострадавшим, а если им и впрямь перепадут серебряные монеты для помощи, неведомо, сколько они еще разворуют. Да плюс местные поборы — до простых людей дойдут сущие крохи, все равно что вообще никакой помощи не оказывать.

— И пойдя пойми, кто же это... — Мэй Юн осушил чашку, — взял все пожалованное императором серебро, скупил на него зерно, переправил в охваченные снежным бедствием земли — да еще и отповедь вдобавок схлопотал.

— Господин Мэй, — Сюй Инбай тяжело вздохнул.

— С твоим-то характером, — не выдержал Мэй Юн, видя, что Сюй Инбай не расположен

продолжать разговор, — до чего же ты упрям, точь-в-точь как Се Куан!

Просидев около часа и обсудив с Сюй Инбаем дела при дворе, Мэй Юн поднялся и ушел. Как только он удалился, управляющий Лю подошел к Сюй Инбаю и доложил:

— Молодой господин, тут явился юноша, называющий себя вашим учеником. Этот старый слуга взял на себя смелость проводить его в боковую гостиную в ожидании вас, не желаете взглянуть?

Услышав это, Сюй Инбай сразу догадался, что это Вэй Хэн. Не видя его столько дней, он уже решил, что Вэй Хэн передумал, но никак не ожидал, что этот мальчишка все-таки придет.

Я оплошал, — Сюй Инбай слегка досадливо поморщился. Вэй Хэн хоть и был принцем, но пользовался крайне малой любовью императора, а покинуть дворец незаметно для стражи, чтобы не привлечь внимания злоумышленников, которые могли бы заявить о тайных связях принца с влиятельными чиновниками двора, — задача, должно быть, не из легких.

Войдя в боковую гостиную, он действительно увидел Вэй Хэна: на мальчике был серый, изрядно поношенный стеганный халат, на щеках алели две кровавые царапины, а пальцы от холода посинели и покрылись цыпками.

Заметив вошедшего Сюй Инбая, тот поднялся и отвесил поклон:

— Учитель.

— Не нужно, — Сюй Инбай торопливо помог Вэй Хэну выпрямиться и перевел взгляд на управляющего Лю: — Дядя Лю, будьте добры, пригласите какого-нибудь лекаря извне.

Вэй Хэн покачал головой:

— Не нужно звать лекаря, это сущие пустяки.

Но Сюй Инбай настаивал:

— Надо позвать.

Вэй Хэн, разумеется, не мог переупрямить Сюй Инбая и был вынужден послушно усесться на свое место в ожидании.

Сюй Инбай лично подогрел для него чашку чая, и Вэй Хэн, суетливо и неуклюже, принял ее обеими руками.

Ему редко доводилось испытывать такую заботу, и он с благодарностью посмотрел на Сюй Инбая.

Лекарь, за которым послал управляющий Лю, прибыл быстро. Он выписал Вэй Хэну мазь от обморожения, и пострадавшие от холода руки мальчика тщательно укутали бинтами.

Наигравшийся вдоволь Се Цзинвэй, которого приволок за собой Ли Куайцзы, явился разыскивать Сюй Инбая. Едва шагнув в боковую гостиную, он увидел сидящего за столом Вэй Хэна и Сюй Инбая, который с теплым участием о чем-то с ним беседовал.

Се Цзинвэй мгновенно насторожился и завопил во всю мочь:

— Учитель, вы же говорили, что не принимали новых учеников?!

Сюй Инбай без всякой жалости ответил на это щелчком по лбу:

— Что за манеры, так орать! Это седьмой принц Вэй Хэн, ты должен выразить ему почтение.

Се Цзинвэй потер лоб, выдавил из себя «ой» и, крайне неохотно выказывая уважение, отвесил Вэй Хэну поклон, с глухим стуком опустившись на колени.

— Простолюдин Се Цзинвэй приветствует седьмого принца Вэй Хэна! Желаю седьмому принцу Вэй Хэну благополучия на мириады лет!

У Вэй Хэна задергался уголок глаза.

У Сюй Инбая от этого зрелища заболели глаза:

— Хватит, вставай.

Се Цзинвэй придвинулся к Сюй Инбаю поближе и тихонько спросил:

— Так он все-таки новый ученик учителя?

Сюй Инбай кивнул:

— Можно и так сказать.

Се Цзинвэй снова поинтересовался:

— А он прошел церемонию ученичества?

Сюй Инбай ответил:

— Еще нет, ты же знаешь, что твой учитель не придает значения этим пустым формальностям.

Се Цзинвэй все понял.

Дождавшись, пока лекарь закончит смазывать руки Вэй Хэна лекарством, Сюй Инбай увел обоих детей в кабинет. Выбирая для Вэй Хэна подходящие по возрасту книги, он бросил через плечо Се Цзинвэю:

— Седьмой принц — особа благородная, не вздумай обижать его почем зря.

Се Цзинвэй молча убрал руку, уже собиравшуюся ухватить Вэй Хэна за волосы.

Книги легли на стол, и Сюй Инбай ласковым, обнадеживающим тоном напутствовал:

— Сначала почитай эти книги, их можно брать с собой за пределы Резиденции Сюй. Если возникнут вопросы — смело обращай ко мне, твой слуга ответит на все и ничего не утаит.

— Моя вина, что я упустил это из виду раньше, — Сюй Инбай похлопал Вэй Хэна по хрупкому плечу. — Отныне каждые три дня я буду отправлять людей за вашим высочеством, не вздумайте больше сами перелезать через стены.

Не успел он договорить, как в комнату вбежал встревоженный управляющий Лю и доложил Сюй Инбаю, что из дворца прибыли люди.

Прикрыв веки наполовину, Сюй Инбай слегка кивнул и вместе с управляющим Лю вышел в парадную залу. Ожидавший там евнух почтительно поклонился, выпрямился и произнес:

— Господин Сюй, вас вызывает Его Величество.

Царственные приказания не терпели отказов — Сюй Инбай кивнул и последовал за евнухом.

Ближе к вечеру пролежавший весь день в лихорадке Фу Линъи наконец с трудом поднялся с постели.

Он вышел во двор на поиски Сюй Инбая. В кабинете его не оказалось, и, обойдя половину усадьбы, на полпути он столкнулся с Се Цзинвэем.

Голос Фу Линъи хрипел:

— Где твой учитель?

Се Цзинвэй не слишком жаловал Фу Линъи, нутром чувствуя, что этот человек крутится подле учителя с недобрыми замыслами. Услышав вопрос, он и думать не хотел об ответе — ему хотелось только унести ноги.

Однако куда бы он ни направлялся, этот человек преграждал ему путь. Мрачное лицо и налитые кровью глаза словно говорили: «Если не ответишь — искрошу в капусту».

Фу Линъи недоброжелательно уставился на Се Цзинвэя.

Се Цзинвэй не смог бы одолеть и волоска на руке Фу Линъи, так что ему оставалось лишь проглотить обиду и процедить:

— Учитель отправился во дворец.

Во... дворец?

События прошлой жизни всплыли перед глазами, и острая, невыносимая тревога захлестнула Фу Линъи. Оттолкнувшись носком от земли и сжав в ладони кинжал, он со всех ног бросился в сторону Императорского дворца.

<http://bllate.org/book/18659/1798852>